

ЯЗЫК ДИНАСТИЧЕСКИХ ИМЕН В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ И НА РУСИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ.

Доклад на Школе юного филолога, 04 июля 2012 г.

Литвина А.Ф., канд. филол. наук, доцент, НИУ ВШЭ (Москва)

Изучение выбора династических имен — это особый отдел ономастики, лежащий на грани собственно лингвистики, чистой, так сказать, истории и истории культуры. Нередко случается так, что имя средневекового правителя, по сути дела, единственный квант информации, дошедшей до нас от целого хронологического периода. Но зато, будучи собраны и исследованы вместе, эти имена являют собой не беспорядочную россыпь изолированных единиц, а целостную систему, своеобразный язык, понятный современникам и ближайшим потомкам.

У каждой династии этот язык свой, хотя не все в нем, разумеется, автохтонно. Мы сталкиваемся и с общекультурными универсалиями, и со случаями типологически близкого развития, прямыми заимствованиями. Очевидно, что если простой обмен династическими именами — это первичный признак межъязыковых контактов, то заимствование принципов имянаречения — это свидетельство длительного культурного взаимодействия. С русскими князьями Рюриковичами отечественному исследователю повезло, этот огромный род, правивший на Руси более шести столетий по праву крови, предоставляет достаточный материал для реконструкции языка имен¹³.

Со времен крещения для русских князей характерно такое явление, как двуименность. Иначе говоря, у каждого Рюриковича непременно есть христианское имя — *Василий, Георгий, Михаил, Федор, Андрей, Иоанн*. Поначалу у каждого из них есть еще и другое, родовое княжеское имя. Эти-то имена (*Владимир, Ярослав, Святослав, Ростислав, Рюрик, Всеволод*...) мы чаще всего и обнаруживаем в раннем русском летописании. На первых этапах христианизации две эти системы имен, христианских и родовых, функционируют как бы параллельно, почти независимо друг от друга. Имена христианские поддерживаются всем авторитетом церкви, имена же родовые обеспечивают связь князя с его предками, уже обладавшими властью на этой земле, вписывают фигуру новорожденного в стратегические замыслы его родни,

прежде всего главы семьи — отца или деда. Эти родовые имена выбираются в соответствии с определенными принципами.

Ребенок должен получить имя в честь умершего члена рода. Парадоксальным образом, генезис и этимология имени почти безразличны династической традиции: славянское, скандинавское или тюркское — имя должно было отсылать к истории рода. При этом имена живых предков княжича, тех самых отца или деда, главных участников процедуры наречения, находятся под строгим запретом — в домонгольской Руси никакого *Ростислава Ростиславича* или *Владимира Владимировича* среди правителей быть не могло, разве что отец ребенка скончался пока тот был в утробе матери.

Разумеется, стремление установить связь с отцом и дедом, правящими на той земле, где когда-то предстоит княжить нарекаемому, очень важно для любой династии. И тут на помощь приходит еще один принцип имянаречения — варьирование основ двусоставных княжеских имен. В самых общих чертах этот принцип сводится к тому, что имя сына или дочери воспроизводит лишь одну из основ отцовского имени, оказываясь, таким образом, одновременно подобным и нетождественным ему. Сын *Всеволода* получает имя *Володимир*, дочь *Рогволода* становится *Рогнедой*, а целая плеяда братьев, например, оказывается объединена формантом — *слав*, подчеркивающим их поколенческое единство.

Очевидно, что мы имеем дело с некоторыми династическими универсалиями: всякому средневековому правителю важно установление некой цепи преемственности. Однако яркой характеристикой конкретной культурной традиции может служить то, каким именно образом эти универсалии здесь реализуются. Замечательно, что все перечисленные принципы выбора имен у Рюриковичей — наречение в честь умерших, запрет на имена живых отца и деда, варьирование родового имени — выделяют русскую династию на фоне остального славянского мира и явно роднят их со скандинавами.

Варьирование двусоставных имен — это архаический принцип, с особенной виртуозностью представленный у ранних германцев, например, у готских правителей Пиринейского полуострова или у лангобардов¹⁴. Однако в интересующую нас эпоху

¹³ О принципах выбора имен у Рюриковичей см. подробнее: А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Выбор имени у русских князей в X — XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006; F. Uspenskij, A Brief Survey of the Anthroponymic Situation in the Rurikid Dynasty (from 10th to 16th centuries) // Studia anthroponymica Scandinavica: Tidsskrift för nordisk personnamnsforskning. Vol. 26. 2008. С. 5–24.

¹⁴ О варьировании у германцев см., например: G. Storm. Vore Forfædres Tro paa Sjælevandring og deres Opkaldelsessystem // Arkiv för nordisk filologi. Hft. 9. 1893 (= Густав Сторм. Вера в переселение душ и система имянаречения у наших предков (Пер. Е.Г. Барилович) // Именослов: Историческая семантика имени / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2007. Вып. 2); Personnamn / Utg. av Assar Janzén. Stockholm; Oslo; København, 1947. (Nordisk Kultur. Bnd. 7.); R. Le Jan. Personal Names and the Transformation of Kinship in Early Medieval Society

своего пика он достигает, пожалуй, у скандинавов и англосаксов. Столь же актуален у скандинавов и запрет на повтор имени живого отца или деда, причем изначально он действенен здесь во всех семьях, не только королевских. Характерно, что варяжская по происхождению династия Рюриковичей оказывается в данном случае «святое папы римского»: запрет на родовые имена живущих предков, вывезенный ими со своей исторической родины, на Руси сохраняется гораздо дольше, чем в правящих домах скандинавского полуострова. На норвежском престоле раньше появляется Хакон Хаконарсон, чем на русском княжеском столе — Ярослав Ярославич, да и тот остается едва ли единственным недоразумением такого рода.

Если говорить о русских, автохтонных принципах выбора династического имени, то всего заметнее, пожалуй, обычай наречения в честь живого дяди. Здесь четко прослеживается следующая закономерность: если старший из мальчиков, главный наследник отца, оказывался тезкой своего дяди, это означало, что дядю стремятся по возможности оттеснить на периферию рода. Таких примеров исключительно много в черниговской ветви Рюриковичей, где соперничество за родовое наследие было особенно жестким и, соответственно, была очень велика теснота антропонимического ряда. Количество *Олегов Святославичей* и *Святославов Ольговичей* превышает здесь пределы, разумные с точки зрения современного человека.

Если же в честь дяди назывался кто-либо из младших княжичей, это с большей вероятностью означало желание укрепить союзнические отношения между братьями, а позднее между племянниками и дядей, передать младших родичей “на руки” старшему. Нередко между братьями князьями заключался особого рода договор, согласно которому тот из братьев, кто переживет другого, принимает под свое покровительство племянников. Ближайший родившийся после этого княжич получал имя дяди и становился чем-то вроде живой печати на таком договоре.

Такой работы с именами дядьев мы совершенно не обнаруживаем на скандинавской почве, зато здесь есть, например, разработанная система выбора имени для незаконнорожденных сыновей конунга, совершенно не прижившаяся на Руси¹⁵. Я почти ничего не говорил о христианских именах правителей. Процесс их усвоения в

Скандинавии и на Руси, несмотря хронологическую близость, происходил по-разному. В русской династической традиции христианские имена постепенно вытесняют родовые княжеские, парадоксальным образом, не уничтожая при этом самой системы династической двуименности. Упомяну только, что огромную роль в освоении церковного именослова на Руси сыграла гипокористика — уменьшительные имена создали своеобразную зону нейтрализации, устраняющую противопоставление исконных и новых календарных имен. Поначалу многие из русских князей, фигурирующих только под христианским именем, называются *Василько*, *Гюрги*, *Михалко* и никак иначе. Женщины в роду Рюриковичей начинают зваться только христианскими именами раньше чем мужчины, и эта черта как раз роднит русский династический обиход со скандинавскими. Здесь христианские имена получают не главные наследники, а принцессы и бастарды.

Попробуем теперь хотя бы краем показать, как система имянаречения Рюриковичей работала на практике, обратившись к семейству князя Мстислава Великого, старшего сына Владимира Мономаха, человека, не совершившего, насколько мы можем судить по летописи, почти ни одного неприглядного поступка и вырастившего на редкость много детей. Начнем с того, что этот князь, в русской хронографии именуемый исключительно *Мстиславом*, обладал еще, по крайней мере, двумя именами — крестильным *Федор*, которое потом станет очень популярно у Рюриковичей, и европейским *Харальд*, которое мы обнаруживаем применительно к нему только в западных источниках. Вообще говоря, присутствие этого скандинавского имени для международного употребления вполне объяснимо: *Харальдом* звали деда Мстислава по матери, англосаксонского короля, проигравшего Англию норманнам в битве при Гастингсе. Как же наш Мстислав-Федор-Харальд нарекает своих детей?

В именах мальчиков мы не найдем ничего из скандинавского ономастикона. Старший получает имя *Всеволод* в честь своего родного прадеда, Всеволода Ярославича. Почему в честь прадеда, а не, скажем, деда? По одной простой причине: к моменту рождения первого внука дед, Владимир Мономах, жив, здравствует и сидит на киевском столе. Сколь бы ни желательно было подчеркнуть прямое родство новорожденного с киевским князем, имя живого деда пока, так сказать, наглухо закрыто для династического употребления.

Второй по счету мальчик получает имя *Изяслав*, в честь своего рано погибшего дяди. Характерно при этом, что дядя до своей гибели успел занять курский стол.

(Sixth to Tenth Centuries) // Personal Names Studies of Medieval Europe: Social Identity and Familial Structures / Ed. by G. T. Beech, M. Bourin, P. Chareille. Kalamazoo (Michigan), 2002. (Studies in Medieval Culture. Vol. XLIII.)

¹⁵ См. Ф. Б. Успенский. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.

Именно курским князем станет впоследствии и его тезка-племянник. Скорее всего, таким образом, курское княжение и выбор имени *Изяслав* было частью единого плана, попыткой с младенчества задать династическую судьбу ребенка.

Выбор имен каждого следующего Мстиславича по-своему интересен: имя *Ярополк*, например, явно связано с желанием помириться с другой, несправедливо обойденной ветвью рода и снять с себя подозрения в политическом убийстве. Но всего любопытнее, пожалуй, то время, когда у немолодого уже Мстислава Великого рождаются последние сыновья и первые внуки. К этому моменту Владимир Мономах — едва ли не самый знаменитый из русских князей рубежа XI-XII веков — уже умирает, а его династическое имя освобождается и, разумеется, приобретает гипертрофированный спрос среди его прямых потомков. Почти одновременно *Владимиром* называют самого младшего сына Мстислава Великого, т.е. Мономахова внука, и новорожденного правнука.

Этот правнук, собственно говоря, не должен был появиться на свет на Руси, потому что он был сыном дочери Мстислава. Той пришлось вернуться к отцу из-за крайне неблагоприятной обстановки на родине мужа. Ситуация была такова, что мальчику, казалось бы, предстояло всю жизнь провести на Руси среди материнской родни. Потому-то он и получил русское княжеское имя *Владимир*. Однако со временем обстоятельства переменились, он вернулся на родину своего отца и стал одним из самых знаменитых королей Дании — Вальдемаром Великим. Так древнегерманское по происхождению имя, обросшее славянской историей, совершило своеобразную «петлю» и вернулось, после столетий забвения, в северогерманский именослов¹⁶.

Вальдемар Великий дает хороший повод отвлечься от мужского потомства Мстислава и обратиться к именам дочек этого князя. Надо сказать, что женские имена русские источники сохраняют несравненно хуже, чем мужские. Княжна или княгиня может строить монастыри, совершать паломничества, устраивать судьбу детей и племянников, но при этом чаще всего она будет именоваться по отцу или по мужу — *Володимерья*, *Ростиславна*, *Борисковна*. Дочерям Мстислава повезло: шведки по матери, они фигурировали не только летописях, но и в западных источниках, и потому мы знаем личные имена хотя бы четырех из них — *Рогнеда*, *Маль(м)фрид*,

Ингибьерг и *Евфросинья*. На первый взгляд, три из этих имен поражают своим явным скандинавским колоритом. На деле же, одно из них, *Рогнеда*, будучи по происхождению действительно скандинавским (< Ragnhǫðr), было давным-давно освоено Рюриковичами и употреблялось в роду. Для Мстислава Великого оно являлось в первую очередь именем прапрабабки по отцу и уж только потом отсылало к вновь приобретенным скандинавским связям. Имя *Маль(м)фрид*, несмотря на свое германское происхождение, в собственно германском мире к XII в. было довольно редким, а в Скандинавии и вовсе появилось позже, когда наша Мальмфрид Мстиславна успела побывать замужем за двумя скандинавскими правителями, конунгом Норвегии и конунгом Дании. Именно благодаря королеве Маль(м)фриде это имя и прижилось в Северной Европе. Зато у Рюриковичей оно было известно в форме «Мальфредь» с X в. и не утрачивалось в династическом обиходе. Лишь имя *Ингибьерг* можно объяснить прямым и непосредственным влиянием скандинавских родовых связей ее матери, жены Мстислава Великого, шведки Христины. Любопытно и то, что младшая из дочек, рожденная во втором браке великого князя, известна только под христианским именем *Евфросинья*. Скорее всего, никакого иного имени у нее уже попросту не было, хотя утверждать это наверняка мы не можем. Общая картина и в Скандинавии, и на Руси, как уже говорилось, была такова, что внедрение исключительно христианских имен могло начинаться с второстепенных членов рода — бастардов и девочек.

¹⁶ Об именовании Вальдемара Великого см. также: J. H. Lind. De russiske ægteskaber: dynasti- og alliancepolitik i 1130'ernes danske borgerkrig // [Dansk] Historisk Tidsskrift. Bnd. 92. Hft. 2. 1992. С. 226, 235; Ф. Б. Успенский. Скандинавы — Варяги — Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 34–35, 43–44.